

— Говори! Когда вернёшь деньги?

Парень, схваченный за воротник, не мог вымолвить ни слова, лишь судорожно кашлял, словно пытался выкашлять лёгкие.

Видя, что парень молчит, лысый перевёл взгляд на сидящего рядом «старшего». Старшим оказался молодой парень с волосами, выкрашенными в жёлтый цвет. Он сидел на единственном стуле в комнате, держа во рту сигарету, а ногой ритмично постукивал по металлическому тазу. Получив знак от старшего, лысый снова втолкнул парня в воду.

— Пожалуйста, отпустите моего внука! Вы же его утопите!

Рыжий пнул таз ногой. Раздался грохот: металлическая миска ударилась о стену, отскочила в угол и упала к ногам пожилой пары с седыми волосами. Таз, вращаясь, медленно остановился.

— Когда вернёшь деньги?

— Сейчас, сейчас вернём, пожалуйста, отпустите моего внука, — умоляла пожилая женщина, голос дрожал от слёз.

Рыжий затянулся сигаретой и медленно выпустил дым:

— Значит, всё ещё не хотите платить?

— Вернём, мы обязательно вернём...

Лян Гэ чувствовал, как голова кружится, он почти не слышал звуков вокруг. Он отчаянно барахтался, но не мог вырваться из железной хватки. Неужели сегодня он снова умрёт в этом маленьком бассейне? Грудь сжимало, не хватало воздуха. Инстинктивно открыв рот, чтобы вдохнуть, он почувствовал, как ледяная вода хлынет в нос и горло. Лян Гэ уже чувствовал, что вот-вот потеряет сознание, когда руки, державшие его, разжались.

Рыжий схватил парня за воротник и вытащил из воды:

— Говори, когда вернёшь деньги!

Лян Гэ широко открыл рот, жадно вдыхая воздух, и на вопрос, прозвучавший словно рефлекс, ответил:

— Через... кашель... кашель... неделю...

Пожилой человек тут же подхватил:

— Да, да, неделю! Дайте нам неделю, мы обязательно вернём.

— Неделю, да? — Рыжий хлопнул парня по щеке. — Только запомни дату. Если через неделю мы придём, а денег снова не будет, разговор будет не таким вежливым.

— Не волнуйтесь, брат Хуан, будьте уверены, к тому времени мы вернём деньги.

Рыжий разжал пальцы, лишённый поддержки парень тут же соскользнул на пол. Рыжий глубоко затянулся в последний раз и небрежно бросил окурочек на пол:

— Пошли.

Вымогатели ушли, и в комнате, которая ещё мгновение назад была заполнена людьми, воцарилась пустота. Остались только старики и внук.

— Маомао, Маомао, ты как? — Фэн Ячжи, увидев, что внук долго не шевелится, голосе звучала паника. — Старик, скорее посмотри, что с Маомао.

Лян Гэ с трудом открыл глаза и попытался улыбнуться:

— Бабушка, я в порядке, просто очень устал.

Услышав это, Фэн Ячжи встревожилась ещё больше:

— Какой устал? Где болит? Неужели поранился?

Лян Гэ собрал все силы, чтобы подтянуться, и с помощью деда с бабусей сел на стул, на котором до этого сидел рыжий.

После ухода коллекторов квартира выглядела так, будто здесь пронёсся ураган. Шкаф в углу был перевернут, одежда и домашняя утварь валялись на полу. Устроив внука поудобнее, старики начали убирать, вытирая слёзы.

Лян Гэ смотрел на происходящее с растерянностью, гневом и жалостью. Все эти несколько часов казались сном.

Лян Гэ был артистом. Хотя больше десяти лет назад он и был на пике славы, давно уже был забыт. Будучи «старым прозрачным», он мог получать лишь крошечные гонорары за роли в проходных сериалах. К счастью, он не был жаден, а из-за отсутствия популярности у него было много свободного времени. Не зная, чем заняться, он искал подработки в интернете — в основном писал статьи и отправлял их в издательства. Жил он спокойно. Однако сегодня, проснувшись, он обнаружил, что весь мир изменился.

— Чёрт! Опять проиграл!

Слушая, как за стеной яростно стучат по клавиатуре и время от времени выкрикивают матерные слова, Лян Гэ, сидевший в туалете, не мог понять, какой сегодня день. Головная боль после вчерашнего похмелья делала мысли вялыми, а реакцию медленной. Он с недоумением смотрел на бетонную стену перед собой, не понимая, как его ванная с дорогим ремонтом вдруг превратилась в неоштукатуренную коробку.

Лян Гэ постучал себя по лбу. Он помнил, что вчера вечером принял лекарства и рано лёг спать в своей квартире в Саду Цзинъи, которую купил в пору своей популярности. Но почему, проснувшись, он оказался в совершенно незнакомом месте?

Пока он размышлял, в туалет влетел крепкий парень и открыл кран.

Смотря на парня, который плескал воду на лицо, Лян Гэ почувствовал, как в голове что-то всплыло. Повинуясь инстинкту, он произнёс:

— Цао Лэцзюнь?

Цао Лэцзюнь провёл рукой по лицу:

— А-Мао, ты наконец-то очнулся! Знаешь, как я переживал?

Лян Гэ осторожно спросил:

— Что случилось?

Цао Лэцзюнь схватил полотенце и небрежно вытерся:

— Вчера вечером я ждал тебя после смены. Сажу у входа, жду-пождёшь, а тебя всё нет. Забежал наверх, спрашиваю у брата Гуаня, он говорит, что А-Сю отправил тебя в номер 603 отнести алкоголь. Я бегал вверх-вниз больше часа, тебя нигде не было, думал, ты уже вернулся. Прибегаю домой — а тебя тут тоже нет.

Лян Гэ промолчал.

Цао Лэцзюнь живо жестикулируя рассказывал о вчерашнем:

— Я так перепугался, а если бы ты пропал, отец бы меня живьём сдирал. Думаю: раз не вернулся, значит, всё ещё в клубе. Прибегаю обратно, смотрю — а у входа стоит растерянный красавчик, мой лучший брат! Кстати, что там вчера вообще стряслось?

Лян Гэ, прижимая пульсирующий висок, машинально ответил:

— Кажется, мне влили немного выпивки, и я уснул в комнате.

Этот автоматический ответ вызвал у Лян Гэ панику. Кто такой А-Мао? Почему он с этим парнем, Цао Лэцзюнем? Почему в голове воспоминания, которые ему не принадлежат?

— Может, бросишь работать официантом? Надо было сразу слушать моего дядю, пойти нам обоим в охрану с мониторами, — предложил Цао Лэцзюнь. — Там слишком грязно, всякие шальные люди, полно таких, как А-Сю, которые подставляют. Ты только начал работать, а уже попал в передрагу. Да и внешность у тебя такая, стоишь в униформе — ну как тут не совершить преступление.

Лян Гэ не смог ответить. Он оттолкнул парня от раковины и с шоком посмотрел на висевшее над ней зеркало. Зеркало на стене было старинным, таким уже давно не встретишь в магазинах. Острые края стекла были окантованы тёмным металлом. С обратной стороны было изображение Чанъэ, улетающей на Луну. Из-за возраста краска немного облупилась. И хотя зеркало затёрлось, оно чётко отражало лицо перед ним: белая гладкая кожа, изящный прямой нос, красивые брови и выразительные глаза. Лян Гэ был уверен, что это лицо не имеет ничего общего с его собственным, тридцатисемилетним лицом.

— Если согласишься, я прямо сейчас позвоню дяде, и сегодня вечером ты уже будешь работать со мной, — видя, что друг молчит и смотрит в зеркало, испытывающе предложил Цао Лэцзюнь.

— Нет, у официантов зарплата выше. Я хочу, чтобы дедушка и бабушка могли спокойно прожить старость, а не жили каждый день в страхе перед ростовщиками и чувстве вины перед роднёй.

Ответ, вырвавшийся сам собой, заставил голову Лян Гэ заболеть ещё сильнее.

Вспомнив о семейном положении друга, Цао Лэцзюнь замолчал. Спустя какое-то время, не найдя других аргументов, парень сменил тему:

— Давай есть лапшу, есть лапшу! Слушай, А-Мао, сегодняшняя лапша — лучший шедевр за всю

мою жизнь, с соусом Лао Ганьма просто божественно, съешь раз — захочешь ещё.

...

Сидя в убогой комнате, Лян Гэ ковырял вилкой лапшу в миске, медленно переваривая происходящее. Он помнил, что он — Лян Гэ, артист, который когда-то был на пике славы, но давно канул в лету. Однако воспоминания «Чэнь Бомао», всплывавшие в голове, заставляли его сомневаться. А к тому же лицо в зеркале, которое не имело ни одного сходства с Лян Гэ, заставили его с горькой усмешкой подумать: неужели душа «Лян Гэ» отправилась в спонтанное путешествие и вселилась в тело «Чэнь Бомао»? А куда же делся сам Чэнь Бомао?

<http://bllate.org/book/16606/1518060>